

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

ФОТО СЕРГЕЙ КОПЫШКО



В рыночной экономике «кормушками» стали собственники компаний. Чем хорош конкретный, персональный собственник? С ним можно договариваться, торговаться, его можно чем-то прижать, на него можно пожаловатьсья. Когда Дмитрий Рыболовлев продал свои акции «Уралкалия», мой близнецкий знакомый искренне произнёс: «Жизнь осуднела. Раньше, если что не так, пусть даже заочно, обзовёшь Рыболовлева сволочью, и полегчает! А теперь не знаешь, кому это адресовать».

Кто, кроме узких специалистов, знает в лицо сегодняшних собственников «Пермских моторов», «Протона», «Мотовилихинских заводов», «Камкабеля»? Как говорил товарищ Ленин, «страшно далеки они от народа». И к региональным властям не ближе. И это очень большое место современной Перми. Получается, что рыночная экономика вряд ли прибавила Перми столичности.

Как выглядит столица Прикамья после соизмерения её достоинств и недостатков?

Развивающийся город-«миллионник». Крупный промышленный, финансовый, университетский, культурный и научный центр. Уровень развития — значительно выше среднего по стране. Социальная сфера, комфортность жизни незначительно превышают среднероссийские. Природный и кадровый потенциал города используются недостаточно. В российских социально-экономических рейтингах город занимает места от 10-го до 30-го из 100. В октябрьском интегральном рейтинге «Урбаники» Пермь — на 28-м месте (между Великим Новгородом и Тольятти, первый — Краснодар). Если даже эксперты и ошиблись в ту или иную сторону, место Перми во второй двадцатке

мне представляется достаточно объективным.

Выводы. Критик Геращенко глубоко неправ — эмоции, вызванные «Географом», его явно дезориентировали. Но и слишком задирать нос у пермяков оснований нет.

Вопрос, вроде бы, исчерпан, и можноставить точку. Если бы не одно «но».

Статью из Бреста я обнаружил в фейсбуке. У меня в нём более 1,5 тыс. «френдов». Большинство — активно пишущие. Если что не так, они за час в порошок сотрут да ещё размажут по сетевой стене. Как минимум половина из них эту статью видела.

Почему «голос общественности», пермские журналисты и блогеры дружно проглотили это несправедливое обвинение? Почему стыдливо промолчала власть? Этот дым появился без огня или что-то где-то тлеет?

Не настаивая на правоте, высказую собственную версию ответа на эти вопросы.

Если коротко: провинциальной и безнадёжно отсталой Пермь выглядит в глазах собственной элиты. Городской и краевой. Далее — везде: взгляд и настроение элиты усваиваются широкими пермскими массами и на прилегающих к краю территориях. Включая закордонные.

Эти взгляд и настроение можно назвать по-разному: провинциализмом, заниженной самооценкой, «унывой парадигмой». Но содержание их одно: дефицит амбициозности, полноразмерное чинопочтование, аллергия к риску, терпимость к низкокачественно му и неряшлившому, отторжение «шибко умных», поперечных.

«Парадигма» — порождение не сегодняшнего и даже не вчерашнего дня. Она складывалась многими десятилетиями вне зависимости от правящей партии

и форм собственности на средства производства. На моей памяти — укрощение обкомом КПСС слишком «шустрого» председателя совнархоза Анатолия Солдатова, всего-то за три с небольшим года преобразованного города: построившего Комсомольский проспект, камскую набережную, реконструировавшего здание оперного театра...

Одной из причин некоторых резких политических телодвижений руководства области начала 1990-х годов было стремление освободиться от титула «пермское болото», добиться, чтобы Пермь не путали с Пензой.

О детище губернатора Олега Чиркунова — «пермском культурном проекте» — уже много написано, дискуссия о нём продолжается, на его руинах будут написаны диссертации и, может быть, романы. Уступая этот фронт работ коллегам, скажу одно: зная Олега Анатольевича как человека, уверен, что его «культурная революция» была попыткой сменить «парадигму», которая не соответствовала вызовам XXI века. Попыткой хорошей по замыслу, но с изъянами в исполнении.

С прискорбием сообщаю, что «парадигма» живёт и здравствует и сегодня. Неважный уход за всходами того, что посеяно, и терпимость к сорнякам тоже в её рамках.

Сорняк является зависящей в невесомости нерешительность в отношении давно заявленных социально значимых инвестиционных проектов — от зоопарка до картинной галереи.

Сорняк — характер взаимоотношений края и «Газпрома». Это не отношения равных партнёров: политического руководства крупного региона и хозяйственного руководства государственной корпорации, подотчётного федеральному прави-

тельству. Это отношения снисходительного босса и угодливых провинциалов.

Что-то не припоминаю призывов и сверху, и снизу к тотальной борьбе за чистоту если не нравов, то улиц и дворов.

Виновником засилья сорняков чаще всего является власть. А за невнимание к всходам полезных растений солидарную ответственность несут и остальные элиты. Несколько примеров.

В Перми почти не вспоминают о редком для всей страны удачном опыте конверсии ракетчиков «Искры».

Если бы не бывшие мои студенты, так бы и не узнал об успехах «Форварда».

Скупо освещаются в пермской прессе достойные внимания и гордости масштабные достижения «Новомета» и «Эр-Телекома»...

Почти незамеченным прошло возрождение пермского судостроения — сдача в 2013 году заказчику сухогруза класса «река-море» грузоподъёмностью 6,8 тыс. тонн.

И совсем удивительное: отсутствие в крае интереса к реконструкции Чусовского металлургического завода. Фактически к строительству новейшего металлургического комплекса, запланированного на 2014-2017 годы. Стоимость проекта — 500 млн евро. Такого масштабного объекта, имеющего огромное экономическое и социальное значение, в Прикамье не создавали как минимум 30 лет. В его создании смогут принять участие не только «чужие», специализированные, но общестроительные и инфраструктурные компании Пермского края. Но это — если «подсуетиться».

Кто как, а я этой «суety» власти и подпора общественности не ощаюю. А это ещё один печальный признак сохранности «унывой парадигмы». Будем всё же надеяться: не навсегда. ■